

УДК 811.111«367.625»366.5

ВАЛЕНТНОСТЬ В СИСТЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

Домброван Т. И.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

В статье валентность трактуется как одна из грамматических, а именно классификационных, категорий глагола современного английского языка. Рассмотрена сопряженность категории валентности с другими категориями глагола. Обосновано введение понятия «имплицитная валентность».

Ключевые слова: глагол, валентность, сочетаемость, грамматическая категория.

Домброван Т. І. Валентність у системі граматичних категорій англійського дієслова. У статті валентність тлумачиться як одна із граматичних, а саме класифікаційних, категорій дієслова сучасної англійської мови. Розглянуто взаємозв'язки між категорією валентності та іншими категоріями дієслова. Обґрунтовано введення поняття «імпліцитна валентність».

Ключові слова: дієслово, валентність, сполучуваність, граматична категорія.

Dombrovan T. I. Valence in the system of grammatical categories of the English verb. Valence is interpreted as one of the grammatical, namely – classifying, categories of the English verb. Degrees of cohesion between valence and other grammatical categories are specified. The notion of “implicit valence” is introduced.

Key words: verb, valence, combinability, grammatical categories.

Постановка проблемы. Общеизвестно, что каждый языковой знак характеризуется определенной парадигмой комбинаторных паттернов, отражающих его валентность как потенциальную способность «вступать в связь с другими знаками для возникновения более или менее обширных цельностей» [19, с. 125]. Иначе говоря, валентность является универсальным свойством знака. Это свойство позволяет языку функционировать в качестве всеобщего средства общения, а также придает ему творческий характер, который вытекает из возможности постоянного комбинирования имеющихся в языке средств с целью максимально точной передачи мысли [22, с. 73].

В лингвистике существует немало работ, посвященных исследованию валентности фонем, морфем, лексем на материале разных языков. Всё же отдельные вопросы, связанные с определением грамматического статуса валентности и её места среди языковых категорий, остаются неосвещенными. Значительный

вклад в развитие теории комбинаторики языковой единицы, в том числе и глагола, сделан в украинистике: исследования И.Р. Выхованца, А.А. Загнитко, Т.Е. Масицкой по праву считаются фундаментальными в теории валентности глагола современного украинского языка. Достаточно детально исследованы комбинаторные способности глагола в немецком языке (М.Д. Степанова и др.). Иначе, к сожалению, обстоят дела в английской филологии: по сути, теория валентности глагола (как и других частей речи) в современном английском языке до сих пор остается неразработанной, что и определяет **актуальность** настоящего исследования.

Цель статьи – рассмотреть содержание понятия «категория» и определить место валентности среди других категорий глагола. Исследование проводилось на материале английского языка.

Изложение основного материала исследования. Категории – это наиболее общие, фундаментальные понятия науки, отражающие наиболее существенные, закономерные

связи и отношения реальной действительности и познания [15, с. 77]. Понятие категории (от греч. *katēgoria* – высказывание, признак) восходит к Аристотелю (384–322 гг. до н. э.). Аристотель разработал иерархическую систему из десяти категорий: сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и претерпевание, из которых основными считал только три категории: сущность («субстанция»), состояние, отношение [28, с. 61].

В широком смысле под категорией понимают «одну из познавательных форм мышления человека, позволяющую обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [16, с. 45].

В лингвистике понятие *языковой* категории трактуется двояко: с одной стороны, это «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства», с другой стороны, это «некоторый признак, параметр, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением этого признака» [3, с. 215].

Подобной двойственностью зачастую отличаются и определения *грамматической* категории. Так, Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова под грамматической категорией понимают не только «совокупность однородных грамматических значений», но и «наиболее крупные лексико-грамматические разряды (классы) слов, объединенных общими семантическими и морфолого-синтаксическими признаками: категория глагола, категория наречия» [26, с. 58].

Сходным образом понятие грамматической категории трактуется в учебнике Б.Н. Головина «Введение в языкознание». Здесь грамматическая категория определяется как «реальное языковое единство грамматического значения и средством материального выражения» [6, с. 105]. Такая широкая интерпретация термина позволяет автору классифицировать грамматические категории на категории слов (т. е. части речи), категории словесных форм (т. е. морфологические категории), категории словесных позиций (т. е. члены предложения), категории словесных конструкций (т. е. предложения) [6, с. 105]. Другими словами, в таком понимании тер-

мин «грамматическая категория» оказывается синонимичным не только понятию «морфологическая категория», но и понятиям «часть речи», «член предложения» и т. п. На наш взгляд, однако, отождествление понятий «грамматическая категория» и «часть речи», «член предложения» представляется некорректным и нецелесообразным, поскольку слишком широкое понимание понятия «грамматическая категория», под которое оказывается возможным подвести и морфологические признаки, и синтаксические функции, и даже классы слов, способствует размыванию границ этого понятия и, следовательно, снижению научной точности изложения при оперировании термином.

Иное понимание грамматической категории находим в работах М.Я. Блоха [1, с. 82], М.П. Кочергана [14, с. 266], А.А. Леонтьева [17, с. 212], Т.Е. Масицкой [20, с. 11] и некоторых других лингвистов, предлагающих рассматривать грамматическую категорию как «систему противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями» [18, с. 115]. Иначе говоря, грамматическая категория выступает обобщением соотносительных между собой и противопоставленных друг другу грамматических значений, эксплицируемых в определенных грамматических формах. В этом понимании грамматической категории отражаются такие ее важные характеристики, как «системность», «универсальный семантический признак», «формальное выражение», «противопоставленность» («оппозиция»). Последняя из перечисленных характеристик, по глубокому убеждению А.М. Шахнаровича, является определяющей: «Нет грамматической категории, если нет оппозиции» [31, с. 57].

В нашей работе термин «грамматическая категория» используется во втором значении, т. е. как единство содержательной и формальной парадигм. Другими словами, понятие грамматической категории связывается со спецификой функционирования частей речи (в этом случае глагола) и их способностью менять свои грамматические (морфологические и/или синтаксические) формы.

Традиционно грамматические категории подразделяют на морфологические и синтаксические. Среди морфологических категорий выделяют категорию вида, времени, наклоне-

ния, лица, рода, числа, падежа [14, с. 267], к синтаксическим предлагается отнести категорию коммуникативной направленности, категорию утверждения/отрицания и некоторые другие [14, с. 267]. Категория залога одними лингвистами рассматривается как морфологическая [18, с. 115], другими – как синтаксическая [14, с. 267].

Рассматривая грамматические категории глагола, следует различать собственно глагольные категории и несобственно глагольные категории. Собственно глагольные категории, пользуясь терминологией М.П. Кочергана [14, с. 267], можно назвать классификационными; они присущи только глаголу и обычно наследуются дериватом при транспозиции. Несобственно глагольные категории являются релятивными («словоизменяющими» в терминологии М.П. Кочергана); они формируются в других частях речи, но морфологически отображаются в глаголе (Рис. 1.).

Как видно с Рис. 1., к релятивным глагольным категориям относятся категории лица и числа. Эти категории получают морфологическое выражение в финитных формах английского глагола (*verbum finitum*) только при согласовании его с подлежащим. В других языках, например, славянской группы, к релятивным категориям глагола будет отнесена и грамматическая категория рода.

Среди классификационных категорий, выделяющих глагол среди других частей речи, – категория времени, категория вида, категория залога, категория наклонения, категория тран-

зитивности (переходности/непереходности) и категория валентности. Это разноплановые категории: одни отражают морфологическую парадигму глагола (например, категория времени, категория вида); другие актуализируют характер синтаксических связей/свойств глагола (например, категория транзитивности); третьи сочетают в себе и морфологические, и семантические, и синтаксические характеристики глагола (например, категория валентности). Собственно глагольные категории взаимосвязаны между собой, хотя степень этой связанности различна. Например, степень связанности категорий вида и времени настолько высока, что иногда «совершенный вид легко может быть переинтерпретирован как прошедшее время – и категория вида трансформируется в категорию времени <...> незаметным для носителей языка образом» [4, с. 8].

Рассматривая вопрос о соотношении двух глагольных категорий – *валентности* и *времени*, можно сделать предположение об их взаимной недетерминированности. И в самом деле, валентность глагола представляет собой явление глубинного, логико-семантического плана, являющееся основой для отражения определенной ситуации в объективной действительности («содержательная» валентность) и получающее конкретную языковую реализацию («формальная» валентность). Глагол, даже взятый вне контекста, благодаря комбинаторному потенциалу задает определенную актантную рамку как каркас, модель возможной ситуации. Дру-

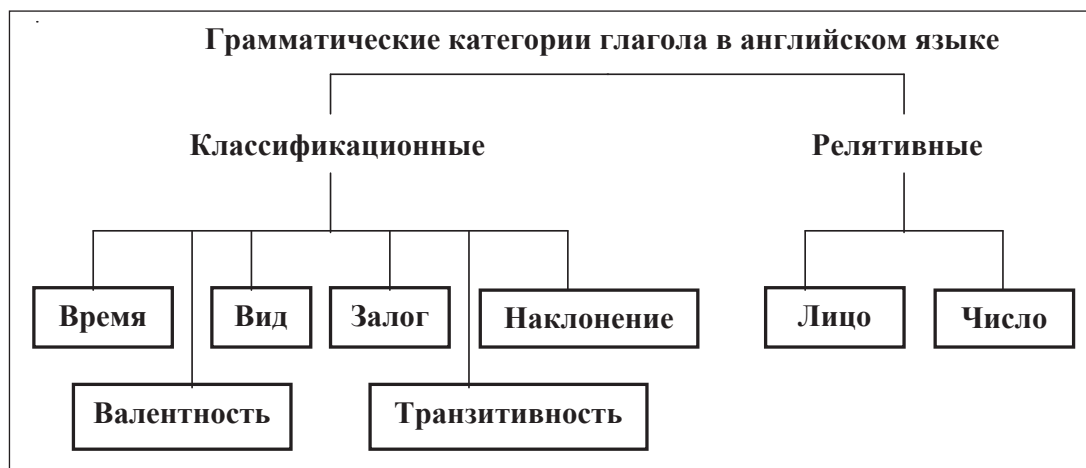

Рис. 1.1. Типология грамматических категорий глагола в английском языке

гими словами, глагол содержит в себе «свернутую» пропозицию как один из потенциальных вариантов выражения ситуации. Категория же времени, отражающаяся морфологически в глаголе предиката, служит для темпоральной локализации описываемой ситуации относительно момента речи, который обычно принимается за точку отсчета. Таким образом, зависимость между категориями валентности и времени не выявляется, что делает принципиально возможным отнесение той или иной ситуации к различным временным планам. Например:

Mr. Jefferson was, is, and perhaps will continue to be, the most distinguished politician of our history (H.C. Mansfield).

Значение процессуальности, изначально заложенное в грамматической семантике глагола, получает реализацию в условиях экспликации темпоральной локализации, т. е. в финитных формах глагола (известно, что не-финитным, или неличным, формам глагола категория времени не присуща). Поэтому употребление лексических денотатов времени с финитными глаголами практически не имеет каких-либо ограничений. Ограничения возможны в плане семантической избирательности конкретной глагольной лексемы: так, например, для глаголов состояния характерно использование адverbов длительности, но не кратности («Я знаю его в течение 20 лет», но «*Я знаю его часто/каждый день» и т. п.).

Следует также отметить, что темпоральные детерминанты в подавляющем большинстве употреблений имеют факультативный характер (т. е. семантикой глагола не прогнозируются) и в функциональном отношении определяются как обстоятельственные распространители предложения (адverbиальные модификаторы). Так, например, в исследуемом массиве публицистических текстов общей длиной в 80 000 словоупотреблений темпоративы отмечены в 600 случаях, из которых только в 6 случаях (1%) они имели обязательный характер; для анализируемых текстов официально-деловых документов той же длины эти данные составляют 260 случаев и 2 случая (0,8%) соответственно.

Например:

(1) Choosing to have a government and hence to be a people

comes *before the choice of any particular form of government*;

(2) It was *later*;

(3) <...> that the standards in question can *still* constitute a target

for developing countries.

В предложениях (1) и (2) выделенные курсивом адverbы имеют обязательный характер, что может быть проверено при помощи теста на опущение (элиминацию), тогда как в предложении (3) темпоратив “still” факультативен, и опущение его из предложения не приводит к структурно-семантической незавершенности последнего.

Валентность и вид. Глагольный вид (в международной терминологии – аспект) – это грамматическая категория глагола, не связанная с дейктической темпоральной локализацией действия, но касающаяся внутренней структуры обозначенного действия и интерпретирующая его, в частности в английском языке, как реализованное, завершенное (“completed”) либо находящееся в процессе становления, развития в конкретный момент времени (“in progress”) [21, с. 83].

В английском языке категория глагольного вида образована оппозицией «прогрессив» – «не-прогрессив» с маркированным первым членом оппозиции (“be ... ing”). Если в семантическом плане первый член оппозиции определен четко (его признаками являются «процессуальность», «развертывание» действия, актуализация срединной фазы, следовательно, незавершенности действия), то второй член оппозиции представляет в семантическом отношении диффузное, многозначное образование. В основе рассматриваемой оппозиции лежит различное восприятие и/или передача конкретного действия: либо как внутренне расчлененного на сегменты, распределенные на оси времени, либо как констатация факта совершения этого действия. Именно различия в субъективном видении и интерпретации процессов окружающей среды позволяют объяснить возможность

использования различных видовых форм для передачи одних и тех же процессов. Согласно данным [34, с. 198], на использование длительных форм приходится менее 5% глагольных употреблений, в то время как в более чем 95% случаев глагол используется в формах общего вида («не-прогрессива»).

Проведенное в нашей работе исследование реализации валентности глаголов позволяет заключить, что сопряженность между двумя рассматриваемыми категориями глагола – валентностью и видом – отсутствует. Валентность, имеющая логико-семантическую основу, характеризует сочетаемостные особенности конкретного глагола, в то время как вид передает особенности протекания и распределенности действия, выраженного всем глагольным сочетанием, во времени. Использование глагола в той или иной видовой форме не влияет на модель валентности этого глагола (ср. предложение *I was working at 5 yesterday.* – *I worked at 5 yesterday.* Глагол “work” здесь моновалентен, формула валентности глагола в этих использованиях выглядит так: $S - V (+ Md_{time})$).

Валентность и наклонение. Грамматическая категория наклонения выражает отношение действия, названного глаголом, к действительности с точки зрения говорящего [25, с. 321]. Известно, что в английском языке выделяют три наклонения – изъявительное, повелительное и сослагательное.

Изъявительное наклонение, представляющее действие/состояние как объективный факт, отличается большим разнообразием (до 26) видовременных форм глагола в активном и пассивном залогах. Именно в изъявительном наклонении валентная парадигма глаголов «развернута» наиболее полно.

Повелительное наклонение служит для передачи просьбы или приказа, т. е. побуждения к выполнению какого-либо действия адресатом. Формы повелительного наклонения характеризуются отсутствием видовых и залоговых различий, использованием глагола в форме 2-го лица (за исключением глагола “be”), эллипсом подлежащего. Последний факт является причиной «усечения» формулы валент-

ной структуры глагола: эллиптированное подлежащее в этих случаях обозначаем $\{S_{ell}\}$, где индекс $_{ell}$ указывает на опущенный элемент, а само явление опущения валентной связи (при условии возможного восстановления ее из контекста/ситуации) называем «свернутой валентностью».

Формы сослагательного наклонения глагола, передающего значение желательности, предположительности, возможности, обусловленности и т. п., относят обозначенное действие к любому временному плану и образованы как синтетически, так и аналитически. В анализируемом материале синтетические формы сослагательного наклонения отмечены не были, а аналитические формы сослагательного наклонения не дают каких-либо новых моделей валентностей глагола.

Таким, образом, валентность конкретного глагола не зависит от наклонения, в котором этот глагол используется.

Валентность и транзитивность. Транзитивность, или переходность, есть лексико-синтаксическая категория, содержательной стороной которой является передача типа субъектно-предикатно-объектных отношений по принципу направленности действия на объект (тип SVO) или замкнутости действия в сфере субъекта (типы SV, SVA_{dv} , SVC_{v} , SVA и т. п.), которые (отношения) получают формальное отражение в системе синтаксических характеристик глагола с точки зрения наличия/отсутствия у него дополнения [7, с. 370; 8, с. 123; 32, с. 633].

В англистике с категорией транзитивности связаны некоторые трудности. Во-первых, с одной стороны, транзитивность традиционно рассматривается в разделе морфологии [13, с. 11], хотя никаких морфологических маркеров переходности английские глаголы не имеют, поэтому определить принадлежность отдельно взятого глагола к какому-либо классу практически невозможно. Большинство глаголов английского языка могут использоваться и как переходные, и как непереходные, следовательно, только контекст играет решающую роль при определении характера глагола. С другой

стороны, управление, являющееся фактически основанием для разграничения транзитивных и нетранзитивных глаголов [24, с. 31], рассматривается в разделе синтаксиса, хотя оно предопределено семантикой конкретного глагола.

Во-вторых, до сих пор в лингвистике точно не определено, можно ли считать переходным глагол с последующим предложным дополнением. Если переходность трактуется как объектность, т. е. широко, тогда к переходным следует относить глаголы как с предложным, так и с беспредложным управлением. На наш взгляд, однако, любая расширенная трактовка содержания какого-либо научного термина ведет к расширению объема соответствующего понятия и, как следствие, к включению в его состав зачастую негомогенных объектов. Широкое понимание переходности приводит к неоправданному включению в класс переходных как глаголов, управляющих предложным дополнением, так и глаголов, управляющих беспредложным дополнением. Исходя из того, что любое понятие «обобщает объекты некоторого множества и выделяет это множество по отличительному для него признаку» [2, с. 41], в настоящей работе термины «объектность» и «переходность» предлагается разграничивать и рассматривать как находящиеся в родо-видовых отношениях. Родовым понятием (гиперонимом) мы считаем понятие «объектность», видовым (гипонимом) – «переходность». При этом термин «переходность» закрепляем только за глаголами, способными комбинироваться с беспредложным дополнением, а под объектностью будем понимать способность глагола сочетаться с любым типом дополнения (как предложным, так и беспредложным).

Переходность как способность глагола к управлению дополнением отражает лишь один из ряда аспектов глагольной сочетаемости, это «одно из проявлений валентности глагола» [5, с. 97]. В рамках категории переходности (или шире, объектности) проблема глагольной сочетаемости не может быть решена в полном объеме. Поэтому при изучении глагольных сочетаний целесообразно не ограничиваться этими двумя группами глаголов (переходные

и непереходные) с указанием на наличие либо, соответственно, отсутствие дополнения при конкретном глаголе, а рассматривать и другие обязательные зависимые элементы. Другими словами, разделение глаголов на переходные и непереходные можно считать базовым, первым этапом при классификации глагольных валентностей.

Валентности глагола возможно классифицировать на объектные, безобъектные и смешанные. Следует особо подчеркнуть, что речь идет не о классификации глаголов как таковых, но глагольных *употреблений*. Глаголы английского языка многозначны, и нередко различные лексико-семантические варианты одного и того же глагола различаются типами сочетаемости как на структурном, так и на лексическом уровне. К условно названному нами «смешанному» типу относим глагольные сочетания, комбинирующие различные виды объектных и безобъектных валентностей глагола, например:

VO_{non-prep} D в “put(V) the book (O_{non-prep}) on the shelf (D)”;

VD O_{prep} в “look (V) up (D) at someone O_{prep}” и т. д.

Еще одним нерешенным вопросом в грамматике английского языка остается проблема определения количества валентных связей у так называемых переходных глаголов в абсолютном употреблении, например:

to read: to read a book/a newspaper;

to write: to write a letter/a composition;

to paint: to paint a picture, etc.

Обзор литературы по этому вопросу свидетельствуют о том, что некоторые лингвисты относят рассматриваемые глаголы к переходным в абсолютном употреблении, другие настаивают на том, что в сочетаниях типа “to read aloud” и “to read a book” реализуются различные по типу переходности глагольные лексемы.

Исходя из того, что переходность есть синтезирующая категория, объединяющая лексические и синтаксические признаки глагола, естественно предположить, что сема объекта при глаголе в переходном употреблении заложена в семантике глагола и эксплицируется в виде

дополнения при этом глаголе. Семантико-синтаксическая сущность переходности позволяет говорить о трех группах переходных глаголов в зависимости от поверхностной выраженности (экспликации) объектной валентности (здесь мы следуем классификации глагольных лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ), предложенной И.В. Сентенберг) [27, с. 55–56].

Таблица 2
Семантико-синтаксическая классификация переходных глаголов

Группы переходных глаголов	Наличие семы объектности	Экспликация синтаксической валентности
1	+	+
2	+	+/-
3	+	-

К первой группе относятся глаголы, точнее, лексико-семантические варианты глаголов, у которых сема объекта регулярно эксплицируется в дополнении, иначе говоря, глаголы семантически и синтаксически переходные (примеры А). Ко второй группе относятся глаголы, в которых сема объектности может эксплицироваться в одних моделях и не эксплицироваться в других (примеры В), при этом «факультативная экспликация объектной семы в объектной сочетаемости не является случаем речевого эллипса» [27, с. 55]. В третью группу включены глаголы, объектная семантическая валентность которых не выражается в объектной сочетаемости (примеры С).

А. *Take a book* (взять книгу), *bring a CD* (принести компакт-диск), *give the address* (дать адрес), *get a job* (получить работу) и т. п.

В. *Marry* (жениться, выходит замуж), *marry a celebrity* (жениться на знаменитости, выходит замуж за знаменитость); *smoke* (курить), *smoke a pipe* (курить трубку), *read* (читать), *read a book/a newspaper* (читать книгу/газету).

С. *To fish* (рыбачить), *to mapread* (читать карту), *to cook* (готовить еду; чаевничать, кофейничать).

При этом нельзя не заметить, что в (А)

включены глаголы широкой семантики, следовательно, для уточнения смысла реализуемого ЛСВ наличие синтаксического объекта в предложении обязательно.

В группе примеров (С) собраны глаголы с узким значением, при этом сема объекта, как правило, выраженная в словарной дефиниции, всегда совпадает с названием единичного объекта, но вследствие семантической избыточности объектность не получает экспликации в виде дополнения. Так, *рыбачить* эквивалентно сочетанию *ловить рыбу*, *чаевничать* – *пить чай* и т. п. Предлагаем называть поверхностно (синтаксически) не выраженную, но семантически обязательную валентность глагола *погашенной*, или *имплицитной* (в отличие от эксплицируемой).

«Погашенными» могут быть не только объектные валентности глагола. Возможна импликация сем образа действия (1), инструмента/способа действия (2), интенсивности действия (3), локативности (4), например:

1) погашенная синтаксическая валентность образа действия: *to stride* (walk very quickly), *stroll* (walk slowly and in a relaxed way), *hobble* (walk with difficulty because of pain), *stomp* (walk with heavy, noisy steps), *tiptoe* (walk quietly with light steps), *parade* (walk proudly), *wander* (walk around with no particular way and in no particular direction), *edge* (walk slowly and carefully);

2) погашенная синтаксическая валентность инструмента/способа действия: *to stab* (with a knife), *to sweep the floor* (with a broom), *to cut bread* (with a knife), *to cut cloth* (with scissors), *to shave* (with a sharp blade or raisor), *to mow* (grass using a special machine), *to strangle* (with hands or a piece of string), *to comb one's hair* (with a comb), *to pinch* (between your finger and thumb), *to brush one's teeth* (with a brush), etc.;

3) погашенная синтаксическая валентность интенсивности действия: *murmur*, *tumble*, *whisper*, *shout*, *yell*, *scream*, *roar*, *bellow*; *creep*, *crawl*, *run*, *job*, *dash*, *tear*, *sprint*, *trot*; *cut*, *scratch*, *graze*, *chop off*; *cry*, *whimper*, *snivel* (sniffle), *sob*, *weep*; *look*, *examine*, *stare*, *gaze*, *gape*; *press*, *push*, *compress*, *flatten*; *study*, *research*, *cram for*, *swot*, *grind*; etc.

4) погашенная синтаксическая валентность локативности: *to wade (walk through deep water)*; *to paddle (walk in water that is not very deep, especially at the edge of the sea, for enjoyment)*; *to scatter (to spread things over a wide area)*; *to shoplift (to steal things from shops)*; *to mug someone (to attack and rob someone in the street)*, etc.

В русском языке, соответственно: (1) *идти, шагать, слоняться, бродить и т. п.*; (2) *пилить дрова (пилой), рубить лес (топором), косить траву (косой), мести пол (метлой) и т. п.*; (3) *шептать, бормотать, кричать, вопить и т. п.*; (4) *идти вброд, летать, плавать и т. п.*

Возвращаясь к проблеме переходности и связанной с нею имплицитной объектной валентности, следует особо подчеркнуть, что при глаголе, использованном в переносном значении, употребление объекта обязательно, например:

To read one's silence as consent (расценивать молчание как знак согласия) [33, с. 1098].

She drank the story in (она жадно слушала рассказ) [33, с. 785].

The river has eaten away its banks (река подмыла берега) [33, с. 791].

To drive a bargain (заключить сделку) [33, с. 785].

The firemen played their hoses on to the blaze (пожарные направили брандспойты на пламя) [33, с. 1059].

Случаи использования переходных глаголов в так называемом абсолютном употреблении обусловлены не только семантикой самого глагола, но и экстралингвистической ситуацией, вербализуемой в субъектно-предикатной структуре. Другими словами, «погашение» дополнения возможно в тех случаях, когда коммуникантам известно, о каком объекте идет речь.

Анализ сочетаемости глаголов в переходном и непереходном употреблении свидетельствует о различном валентном потенциале глагольных лексем, что указывает на *сопряженность* категорий валентности и переходности, но при этом нельзя отрицать, что валентность намного точнее характеризует сочетательные возможности глагола, чем переходность.

Валентность и залог. Традиционно залог определяется как глагольная категория, обозначающая различные субъектно-объектные отношения, находящие свое выражение в формах глагола [30, с. 160–161; 32, с. 634.]. Общее значение категории залога может быть определено либо вслед за А.А. Холодовичем как «схема соответствия между единицами синтаксического и семантического уровней» [29, с. 13], либо вслед за С.Д. Кацнельсоном как изменение интенции высказывания [12, с. 181].

Исходя из тема-рематической организации информации в предложении, пассив рассматривают как средство рематизации агенса действия [9, с. 16–31; 10; 11].

Употребление страдательного залога необходимо, когда пациенс или объект действия является данным (т. е. темой), а в роли ремы, т. е. выразителем нового, выступает сказуемое и/или предложное дополнение.

Активная и пассивная конструкции, даже при возможности их формальной взаимной трансформации, не могут считаться эквивалентными в семантическом и коммуникативном аспектах, а потому не являются взаимозаменяемыми. И активная, и пассивная структуры представляют собой различные способы кодирования определенного фрагмента действительности, способы, различающиеся фокусировкой тех или иных компонентов денотативной ситуации и, следовательно, обладающие различным когнитивным содержанием: «И та, и другая структуры [актив и пассив – Т. Д.] порождаются из одной глубинной структуры в зависимости от того, как отражаемая ситуация воспринимается и отражается говорящим» [23, с. 40].

Категория залога, будучи сложной синтактико-морфологической категорией, детерминирующей организацию предложения, тесным образом связана с глагольной категорией валентности. Точки соприкосновения двух коррелируемых глагольных категорий находятся в сфере субъектно-объектных отношений. Здесь же отметим, что при описании залога следует учитывать многозначность английских глаголов и, как следствие, тот факт, что не все лексико-семантические варианты одного и того же

глагола обладают одинаковым комбинаторным потенциалом и способны образовывать пассивные структуры. Так, например, глагол *have* в значении «обладать, владеть» в пассиве не используется (*I have many books* → **Many books are had by me*), но в значении «обмануть» встречается и в страдательном залоге (*They have had you* → *You have been had*).

Одноместные предикаты не могут образовывать пассивной конструкции. Многместные предикаты способны к пассивизации только при наличии семантической ролей «агенса», «пациенса»/«объекта», «бенефактива» и «инструмента/средства/способа». Как свидетельствует анализ фактического материала, в пассивной конструкции в позицию подлежащего переме-

щаются такие семантические роли, как «пациенс», «бенефактив», «объект», «адресат», «реципиент»; в позиции же объекта (если таковой имеется) возможны семантические роли «агенса», «инструмента», «бенефактива», «реципиента», «средство/способ».

Таким образом, валентность следует рассматривать как одну из грамматических категорий глагола, а именно как классификационную. По нашему глубокому убеждению, валентноориентированный подход к изучению грамматических категорий глагола весьма **перспективен**, так как открывает новые грани до конца не изученных связей между такими эпицентрами семантики и синтаксиса, как валентность, залог, переходность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – М. : Высшая школа, 1986. – 160 с.
2. Брюшинкин В.Н. Практический курс логики для гуманитариев / В.Н. Брюшинкин. – М. : Интерпракс, 1994. – 360 с.
3. Булыгина Т.В. Категория языковая / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Бурлак С.А. Введение в лингвистическую компаративистику / С.А. Бурлак, С.А. Старостин. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 272 с.
5. Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке / В.В. Бурлакова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1975. – 128 с.
6. Головин Б.Н. Введение в языкознание / Б.Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1983. – 231 с.
7. Долинина И.Б. Категория переходности/непереходности / И.Б. Долинина // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Єрмоленко С.Я. Українська мова: Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів / С.Я. Єрмоленко, С.П. Бібік, О.Г. Тодор. – К. : Либідь, 2001. – 224 с.
9. Загнітко А.П. Семантико-синтаксичні аспекти категорії стану дієслова / А.П. Загнітко // Семантика і функції граматичних структур : збірник наукових праць. – К. : УМК ВО, 1991. – С. 16–31.
10. Залеснова О.В. Комунікативний аспект функціонування речень із пасивною перспективою у тексті (на матеріалі іспанської мови) / О.В. Залеснова // Вісник КДЛУ. Серія «Філологія». – 1999. – Т. 2. – № 1. – С. 128–133.
11. Ившин В.Д. Синтаксис речи современного английского языка (смысловое членение предложения) / В.Д. Ившин. – Ростов-н/Д : Феникс, 2002. – 320 с.
12. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевого мышления / С.Д. Кацнельсон. – Ленинград : Наука, 1972. – 216 с.
13. Кобрин Н.А. Грамматика английского языка: Морфология / Н.А. Кобрин, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева. – М. : Просвещение, 1985. – 288 с.
14. Кочерган М.П. Вступ до мовознавства / М.П. Кочерган. – К. : Академія, 2000. – 368 с.
15. Краткий словарь по логике / под ред. Д.П. Горского. – М. : Просвещение, 1991. – 208 с.
16. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 250 с.
17. Леонтьев А.А. Универсально-сопоставительная лингвистика / А.А. Леонтьев // Язык: теория, история, типология. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 210–213.
18. Лопатин В.В. Грамматическая категория / В.В. Лопатин // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
19. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
20. Масицька Т.Є. Граматична структура дієслівної валентності / Т.Є. Масицька. – Луцьк : РВВ Волин. держ. ун-ту, 1998. – 208 с.
21. Маслов Ю.С. Вид глагольный / Ю.С. Маслов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
22. Меликян В.Ю. Экспрессивные текстообразующие функции коммуникем / В.Ю. Меликян // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 73–82.

23. Мороховский А.Н. Слово и предложение в истории английского языка / А.Н. Мороховский. – К. : Высшая школа, 1980. – 216 с.
24. Мухин А.М. Переходные глаголы и их актуализация в тексте / А.М. Мухин // Грамматические категории глагола и предикатный синтаксис текста: межвуз. сборник науч. трудов. – Владимир : ВГПИ, 1985. – С. 20–31.
25. Реферовская Е.А. Наклонение / Е.А. Реферовская // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
26. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
27. Сентенберг И.В. Лексическая семантика английского глагола / И.В. Сентенберг. – М. : МГПИ, 1984. – 96 с.
28. Спиркин А.Г. Философия / А.Г. Спиркин. – М. : Гардарики, 1999. – 816 с.
29. Холодович А.А. Залог / А.А. Холодович // Категория залога. – Ленинград : Наука, 1970. – С. 2–26.
30. Храковский В.С. Залог / В.С. Храковский // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 160–161.
31. Шахнарович А.М. Когнитивные и коммуникативные компоненты грамматики (на материале детской речи) / А.М. Шахнарович // Язык: теория, история, типология. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 55–57.
32. Greenbaum S. The Oxford English Grammar / S. Greenbaum. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1996. – 652 p.
33. The Oxford Russian Dictionary. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1995. – 1340 p.
34. Quirk R. A Comprehensive Grammar of the English language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London ; N.Y. : Longman Group Ltd., 1993. – 1779 p.